

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/UTQXHC>
УДК 821.131.1.0+821.161.1.0
ББК 83.3(4Ита)6 +
83.3(2Рос=Рус)6

СОВЕТСКИЙ МИФ СИБИЛЛЫ АЛЕРАМО

© 2023 г. А.В. Голубцова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 05 октября 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 ноября 2022 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-162-177>

Аннотация: В статье рассматриваются произведения итальянской писательницы-коммунистки Сибиллы Алерамо (1876–1960), написанные после путешествия в Советский Союз в 1952 г.: путевой очерк «Возвращение из Москвы» в газете «Унита» (25 сентября 1952 г.), стихотворение «Россия — высокая страна» и текст выступления, посвященного впечатлениям от поездки (опубликован отдельной брошюрой в 1953 г.). Основным предметом исследования является функционирование в данных текстах элементов «русского» и «советского» мифа, в значительной степени определявших западное восприятие СССР в начале 1950-х гг. Особое внимание уделяется религиозным мотивам, которые рассматриваются через призму концепции «политического паломничества» П. Холландера. В статье анализируется исторический контекст, в котором возникали указанные произведения, определяется их место в ряду других итальянских травелогов о Советском Союзе этого периода и специфические черты, отличающие тексты Алерамо от путевых свидетельств ее современников и предшественников (итальянских авторов, посещавших СССР в 1920–1930-е гг.), исследуется образ советской России, создаваемый итальянской писательницей в парадигме русского и советского мифа.

Ключевые слова: Сибилла Алерамо, СССР 1950-х гг., советско-итальянские культурные связи, травелог, русский миф, советский миф, П. Холландер, политическое паломничество.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Голубцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1286-7707>

E-mail: ana1294@yandex.ru

Для цитирования: Голубцова А.В. Советский миф Сибиллы Алерамо // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 1. С. 162–177. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-162-177>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 1, 2023

THE SOVIET MYTH OF SIBILLA ALERAMO

© 2023. Anastasia V. Golubtsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: October 05, 2022

Approved after reviewing: November 21, 2022

Date of publication: March 25, 2023

Abstract: The article studies the works by Italian communist author Sibilla Aleramo (1876–1960), written after her visit to the Soviet Union in 1952, namely an essay “Return from Moscow” published in the communist newspaper “Unità” on September 25, 1952, a poem “Russia alto paese” and a speech on her travel impressions, published in 1953. The analysis of the texts focuses on the functioning of the key elements of “Russian” and “Soviet” myth, which largely determined the image of the USSR in the eyes of Western societies in the early 1950s. The author pays special attention to religious motifs regarded through the prism of Paul Hollander’s concept of “political pilgrimage.” The article analyzes the historical context of the mentioned works, their place among other Italian travelogues on the Soviet Union written in the same time period, as well as the specific traits of Aleramo’s texts distinguishing them from travel prose of her contemporaries and forerunners (Italian authors, who visited the USSR in 1920s and 1930s). It also examines the image of the Soviet Russia created by Aleramo in the paradigm of the Russian and Soviet myth.

Keywords: Sibilla Aleramo, the USSR of the 1950s, Soviet-Italian cultural relations, travelogue, Russian myth, Soviet myth, Paul Hollander, political pilgrimage.

Information about the author: Anastasia V. Golubtsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1286-7707>

E-mail: anar294@yandex.ru

For citation: Golubtsova, A.V. “The Soviet Myth of Sibilla Aleramo.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 1, 2023, pp. 162–177. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-162-177>

Летом 1952 г. в Советский Союз в составе итальянской делегации прибыла 75-летняя писательница и поэтесса Сибилла Алерамо (1876–1960). По итогам трехнедельной поездки ею был создан целый ряд разножанровых текстов: 25 сентября 1952 г. в газете «Унита», официальном печатном органе Итальянской компартии, вышел короткий очерк «Возвращение из Москвы» (“Ritorno da Mosca”), в специальном номере «Унита» от 7 ноября 1952 г. в честь годовщины Октябрьской революции были напечатаны стихи «Россия — высокая страна»¹ (“Russia alto paese”), датированные октябрём того же года [16], а 23 ноября 1952 г. в Культурном кружке Томмази в Анконе писательница выступила с рассказом о своем путешествии; в 1953 г. эта речь будет напечатана отдельным изданием вместе со стихотворением «Россия — высокая страна», которое и даст название всей книге. Алерамо приехала в Советский Союз как член Ассоциации «Италия–СССР», созданной в 1944 г. в целях развития культурных связей между двумя странами. Ассоциация занималась изданием книг, организацией выставок, лекций, курсов русского языка и поездок в СССР. Однако уже с 1946 г., когда во главе организации встал коммунистический активист Джузеппе Берти, она приобрела очевидно политический характер и работала в прямом контакте с компартиями Италии и Советского Союза, выполняя в том числе и пропагандистские функции [7, p. 165; 9, pp. 75–77]. Впрочем, с самого начала

1 Фрагмент этого стихотворения вошел в сборник «Из итальянских поэтов» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. Сост. Г. Брейтбурд) в переводе Б. Гиленсона под названием «Россия — великая страна», однако этот перевод не вполне отражает смысл стихов, построенных на взаимодействии двух значений слова «высокий» (alto) — буквального и переносного («возвышенный»): «Высокая страна / даже там, где простирается бескрайняя равнина...» (“Alto paese / anche dove immensa la pianura s’estende...”; здесь и далее пер. с итал. мой. — А.Г.).

большинство членов Ассоциации либо входили в ИКП, либо были близки к левым кругам. Не стала исключением и Алерамо — видный деятель женского движения и член ИКП с 1946 г.

Период после завершения Второй мировой войны и краха фашистского режима в Италии был отмечен резким ростом влияния левых партий. Этому способствовал, с одной стороны, опыт антифашистского Сопротивления, ядро которого составили социалисты и коммунисты, с другой — высокий авторитет Советского Союза как страны, победившей Гитлера. Свою роль сыграла и активная внешняя политика СССР, стремившегося поставить под свой контроль левые партии других государств. В этот период образ СССР на Западе определяют две группы мифологем — элементы «советского» и «русского» мифа: первый сформировался в 1930-е гг. и начал постепенно утрачивать свое влияние после смерти Сталина, второй сложился на Западе еще в XVIII–XIX вв.², в эпоху господства советского мифа был сильно редуцирован и вытеснен на периферию, однако никогда не исчезал окончательно. Советский миф, как отмечает П. Холландер, в большинстве западных стран достиг расцвета в 1930-х гг. [6, с. 68], однако в фашистской Италии антикоммунистическая риторика официальной пропаганды затормозила этот процесс, и в итальянских травелогах о советской России «советские» мифологемы вышли на первый план и оттеснили в сторону элементы русского мифа только в послевоенную эпоху³.

2 В итальянском контексте важную роль в формировании «русского мифа» сыграли травелог Франческо Альгаротти «Русские путешествия» (*“Viaggi di Russia”, 1764*) и скандальная книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (*“La Russie en 1839”*) с его представлением о Российской империи как азиатской деспотии; популяризации русской литературы послужили такие французские и итальянские работы, как антология Поля де Жюльвекура «Балалайка. Русские народные песни и другие поэтические отрывки, переведенные стихами и прозой» (*“La Balalaika, chants populaires russes et autres morceaux de poesie traduits en vers et en prose”, 1837*), критический обзор Микеле Сарторио «Русская поэзия» (*“Poesie Russe”, 1839*), а также отдельные высказывания деятелей итальянского Рисорджименто — Дж. Мадзини, Н. Томмазо, К. Тенка, — которые проводили определенные параллели между историческими судьбами Италии и России (обе страны страдают под гнетом тиранической власти, в обеих странах идет процесс мучительного обретения своего литературного языка и национального самосознания). В Италии, как и в большинстве стран Запада, контуры европейского «мифа о России» окончательно оформились благодаря резонансной книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (*“Le Roman russe”, 1886*), фактически открывшей европейскому читателю русскую литературу и «загадочную славянскую душу» (да и сама концепция русской / славянской души также получила популярность благодаря Вогюэ).

3 Подробнее о восприятии советской России в итальянском обществе эпохи фашизма см.: [3].

По сравнению с довоенным периодом в конце 1940-х – начале 1950-х гг. число поездок итальянских интеллектуалов в СССР резко увеличивается, соответственно растет и количество травелогов, однако сами путевые свидетельства становятся более однородными и даже шаблонными. Это объясняется как стандартизацией программ визитов и «техник гостеприимства»⁴, так и тем фактом, что в этот период в число зарубежных гостей попадают, главным образом, «друзья» СССР, заведомо положительно воспринимающие советские реалии.

Путевые свидетельства Алерамо встраиваются в длинную серию апологетических травелогов, написанных на рубеже 1940–1950-х гг. просоветски настроенными итальянскими писателями и журналистами, среди которых были, например, такие крупные авторы, как Рената Вигано и Ита-ло Кальвино. Все они транслировали в своих текстах один тот же «советский миф», облик которого в тот период определяли две основные группы ценностей: ценности мира и интернационализма и ценности социальной справедливости (а также связанные с ними в единый комплекс ценности свободы, демократии, человеческого достоинства и т. п.). Однако тексты Алерамо выделяются на общем фоне не только своей разнородностью (поэзия, газетная статья, устное выступление, изданное в виде травелога), но и тем, что за советским мифом в них отчетливо проступают следы прежних мифологизированных представлений о России, что позволяет проследить процесс и механизмы формирования советских мифологем, которые, как правило, складываются на основе элементов старого русского мифа, либо отрицая их, либо развивая и трансформируя. Интересно, что важной составной частью советского мифа у Алерамо оказываются религиозные аллюзии, которые практически отсутствуют в остальных травелогах этого периода, но активно использовались в итальянской путевой прозе об СССР 1920–1930-х гг. (правда, тогда еще — как элементы русского мифа)⁵.

4 Холландер выделяет в них два основных компонента: «Первый — это подобающее отношение лично к гостю: следует обеспечить его комфорт, благополучие и сделать так, чтобы он чувствовал себя лицом значительным, уважаемым, дать ему понять, что его ценят и любят <...>. Вторым важным компонентом техники гостеприимства выступает выборочное представление “реальности”, объясняющее жесткое планирование и высочайшую организацию политических туров» [6, с. 74–75]. Оба компонента, судя по текстам травелогов, успешно применялись и к итальянским «гостям». Подробнее о техниках «политического гостеприимства» см. также: [4; 5].

5 Подробнее об этом см.: [1].

Для Алерамо, как и для многих ее коллег в этот период, поездка в Советский Союз представляла собой то, что П. Холландер называл «политическим паломничеством» («пропитанные духом благоговения поездки в политически привлекательные страны» [6, с. 50]). По справедливому замечанию Б. Манетти, религиозная метафорика, лежащая в основе концепции Холландера, хорошо согласуется с «фидеистическим характером» коммунистического мировоззрения С. Алерамо [10, р. 177]. Не случайно сама писательница называет свое мировоззрение «коммунистической верой» (*fede comunista*) [17, р. 18]⁶. Алерамо ехала в СССР в поисках воплощенной утопии и, по ее собственным словам, прибыв в Москву, чувствовала себя как «девочка, только открывающая мир и жизнь» [15]. Более того, в газетном очерке она прямо заявляет, что «уже знала, что увидит там», и все увиденное было воспринято ею как подтверждение заранее сформированного образа (ту же мысль она повторит и в своем выступлении [17, р. 13]). Алерамо описывает свое «паломничество» с восторгом, доходящим до благоговения. Знакомство с советской действительностью воспринимается ею как религиозное таинство причастия, одновременно духовное и физическое: «Именно этого я и хотела: *дышать*⁷ советской атмосферой, почувствовать <...> всем своим организмом, физически, а не только духовно, реальность чуда (*miracolo*), которое совершилось там и обновляется и ширится изо дня в день, проникнуть в эту реальность, стать ее частью <...> погрузиться хоть раз, перед тем как навеки закрыть глаза, в несравненный (*incomparabile*) поток этого существования» [15]. Этот пассаж также будет почти дословно повторен в выступлении Алерамо, вошедшем в издание 1953 г. [17, pp. 13–14].

В свете восторженного восприятия советской действительности имплицитно присутствующие в путевых свидетельствах Алерамо элементы русского мифа претерпевают радикальную трансформацию. В довоенной

6 Вероятно, в какой-то степени на отношение Алерамо к СССР повлияли дружеские отношения с М. Горьким, завязавшиеся во время его первого пребывания в Италии и продолжавшиеся в течение второго «итальянского» периода, вплоть до возвращения Горького в Россию (см., например: [11, р. 106–109]). Как отмечает сама Алерамо, памятник Горькому в Москве напоминает ей об их последней встрече в Сорренто в 1928 г. [17, р. 15], а директор музея Горького показывает ей ее собственную фотографию, некогда подаренную ею русскому писателю [17, р. 17].

7 Курсив С. Алерамо.

путевой прозе Россия традиционно изображается как огромное, дикое, некультуренное пространство, прямо соотносящееся с потусторонним миром и противопоставленное «цивилизованному» Западу. Стереотипному представлению о «восточном», «примитивном» коллективизме русского народа в парадигме «мифа о России» противостоит индивидуализм западного человека. У Алерамо традиционная антитеза России и Запада инвертируется, элементы русского мифа, ранее оценивавшиеся отрицательно, приобретают позитивную окраску. Например, представление о коллективизме русских — то, что Винченцо Кардарелли в 1928 г. в своих путевых очерках пренебрежительно характеризовал как «стремление собираться толпой» [19, р. 769], — в парадигме советского мифа превращается в дух равенства, братства и свободного труда во имя общей цели: «...все чувствуют себя необходимыми друг другу <...>. И разве что какой-нибудь пожилой человек еще смутно припоминает, что такое эгоизм, что значит наслаждаться жизнью за счет чужих страданий, что такое роскошь и нужда, убийственный тяжкий труд и ядовитая праздность, наглая ухмылка и бессильная ненависть» [17, р. 20]. В глазах Алерамо СССР является образцом и ориентиром для «отсталых» капиталистических стран. В этом смысле показательна данная ею в очерке «Возвращение из Москвы» характеристика советского общества, «где каждый индивид живет не только своей собственной жизнью, но и жизнью всех остальных, в масштабе, абсолютно непредставимом в странах, которые считают себя продолжателями великих цивилизаций (*che si reputano continuatori di illustri civiltà*)» [15]. Под продолжателями великих цивилизаций, очевидно, имеются в виду западные государства, и в первую очередь Италия как наследница Римской империи, которой Алерамо противопоставляет прогрессивный Советский Союз. Имплицитно транслируя мифологизированное представление о России как молодой цивилизации, которая еще недавно пребывала в архаической дикости, писательница придает ему противоположный, позитивный смысл.

Еще ярче эта антитеза проступает в анконском выступлении, когда Алерамо, вспоминая о посещении Греции, замечает: «...Греция с ее Парфеноном, Дельфами и Олимпией говорила мне о почти мифической эпохе, о вершине гармонии, которая была достигнута человеческим гением, но все же не освободила народ от рабства, нищеты и невежества» [17, р. 14]. Античная Греция — это древняя основа западной цивилизации, противо-

весом которой служит цивилизация русская — молодая, но, несмотря на это (или благодаря этому), сумевшая, в представлении Алерамо, искоренить основные социальные пороки. Одновременно древним сокровищам античности противопоставляются современные достижения советского строя — новое здание Московского университета, широкие улицы и площади и т. п. Бескрайние и дикие русские просторы — хрестоматийный образ русского мифа — осваиваются и «окультуриваются», деспотическая царская власть — еще одна важная мифологема, ярко представленная, например, в резонансной книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (“*La Russie en 1839*”, 1843)⁸, — сменяется свободой и братством, а богатства России начинают служить общему благу: «Драгоценные камни и золото в прошлом служили для украшения корон, мантий и туфельк цариц <...>: сегодня богатство идет на создание удивительных творений, таких, как недавно открытый канал Волга-Дон; на то, чтобы сделать плодородными далекие степи, чтобы основывать на бескрайней территории Советского Союза новые города со школами и университетами» [17, р. 30].

Мотив освоения русских просторов был значим для Алерамо и до поездки — так, он завершает описание жизни в СССР в стихотворении «Картины из страны Советов» (“*Imagini dal paese dei Soviet*”, 1951), написанном еще до поездки — вероятно, под впечатлением от советского фильма: «...довольные и гордые трудящиеся / на берегах великих рек или на границе снегов, / или в городах, где прежде была степь» [14, р. 50]. Стихотворение «Россия — высокая страна», созданное под впечатлением от путешествия, напротив, начинается с образа бескрайней равнины (“*dove immensa la pianura s'estende*”⁹), явно отсылающего к «русскому мифу», а завершается образом Ленина, в котором проступают черты Христа: “*Uno di profetica mente e di possente azione*”¹⁰, где “Uno” не случайно написано с заглавной буквы. Подобно тому, как Христос «один умер за всех»¹¹, Ленин — это Тот, кто один

8 См., в частности, рассуждения о «жестокой тирании» и «устрашающей правильности», царящей в России: [12, с. 321].

9 «...где простирается бескрайняя равнина» [17, р. 5].

10 Дословно: «Тот, у кого пророческий ум и мощная воля к действию» [17, р. 10].

11 Цитата из 2-го послания ап. Павла Коринфянам, 5:15: «Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего», в итальянском переводе — “*Ed egli è morto per tutti, perché quelli che vivono non vivono più per se stessi, ma per colui che è morto e risorto per loro*” (пер. CEI 2008).

за всех (*Uno per tutti*) проживает в «пустынном убежище» — соломенном шалаше в Разливе — «канун наивысшего момента человеческой истории»¹² [17, р. 10]. Таким образом, стихи Алерамо в зримой форме отображают движение от русского мифа к мифу советскому. Различие между использованием религиозной образности в «советской» путевой прозе итальянских авторов довоенного и послевоенного периода хорошо заметно при сравнении стихотворения Алерамо с травелогом «Понимание Ленина» (“*Intelligenza di Lenin*”, 1930) Курцио Малапарте, посетившего СССР в 1929 г. У Малапарте, который на момент поездки придерживался профашистских взглядов, вождь революции предстает как Антихрист, христологические черты в его образе «переворачиваются» и пародируются. Он характеризуется как «волок Божий, который взял на себя грехи мира» [20, р. 45]¹³; его тело в мавзолее уподобляется мощам святого, однако автор немедленно развенчивает этот сакральный образ, называя Ленина «искусственным» святым и подчеркивая, что только «в глазах фанатиков» он напоминает святые мощи, которые первые христиане тайно вывозили с Востока: «Ни один корабль не вывезет останки Ленина, не затонув. Мертвецы — тяжелый груз» [20, р. 49]. У коммунистки Алерамо же образ Ленина полностью подменяет собой образ Христа как спасителя, освобождающего человечество от рабства и ведущего его к светлому будущему.

В брошюре 1953 г. стихи «Россия — высокая страна» служат торжественным вступлением к прозаической части и задают модус восприятия последующего текста. После прибытия итальянских делегатов в Москву их размещают на «вилле» в Серебряном бору, показывают Кремль и библиотеку Ленина, музеи и театры, стадионы и фабрики. Писательница также проводит некоторое время в загородном доме отдыха Союза писателей и посещает Ленинград. Как и другие просоветски настроенные итальянские «гости» СССР, Алерамо подчеркивает благополучие советской жизни (высокие зарплаты и изобилие товаров в магазинах [17, р. 22]), уважение к культуре и тягу к знаниям, рисует идиллическую картину свободного коллективного труда: «...все работают, свободные от железной

12 “...in quella capannuccia di paglia e mota su l’umido suolo / <...> / vissuta fu la vigilia del maggior momento della storia umana”.

13 Аллюзия на Евангелие от Иоанна: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29, синодальный перевод).

пяты капитализма, в согласии, ради непрерывного общего прогресса <...> все обеспечены материальными и духовными благами, все обладают чувством собственного человеческого достоинства» [17, р. 19]. Как и другие авторы травелогов того периода, Алерамо неоднократно отмечает особое достоинство советских людей, «спокойствие и сдержанность, излучаемую толпой и отдельными индивидами» [17, р. 20]. Более того, в некоторых случаях это спокойствие приобретает религиозную окраску: так, в глазах женщин, встреченных в доме отдыха Союза писателей, Алерамо видит «глубокую серьезность, словно бы религиозное чувство (*serietà profonda, come un senso religioso*)» [17, р. 25]. Стереотипный образ дикого и необузданного русского варвара в травелогe Алерамо превращается в свою противоположность: советские люди спокойны, дисциплинированы, отличаются благородными, даже аристократичными манерами, тягой к знаниям и уважением к культуре. Это противопоставление четко выражено в описании посетителей Эрмитажа: «Проходит русский народ, уже не мужики (*mugik*), а граждане <...> восхищаясь шедеврами человеческого гения» [17, р. 30]. Алерамо, как и другие путешественники начала 1950 х гг., отмечает популярность библиотек и чтения вообще, очереди в музеи, полные залы театров. Вслед за Итало Кальвино, который побывал в СССР в 1951 г. и опубликовал серию путевых очерков под общим заглавием «Дневник путешествия в Советский Союз» (“*Taccuino di viaggio nell’Unione Sovietica*”), Алерамо проводит параллели между советским культом писателей и культом вождей, однако если Кальвино пишет об этом с легкой иронией («в школах портрет Пушкина встречается почти так же часто, как портреты Ленина и Сталина» [18, р. 2449]), то Алерамо — с восхищением («этот культ развивается параллельно с культом двух великих творцов нового мира, Ленина и Сталина» [17, р. 16]). Правда, если культ вождей революции в ее речи, как и в стихотворении «Россия — высокая страна», обретает религиозные коннотации (не случайно писательница говорит о посещении советскими людьми мавзолея Ленина как о «нескончаемом паломничестве» [17, р. 16]), то культ писателей и литературы ассоциируется не только с литературными музеями и памятниками, но и с сугубо материальными аспектами: так, Алерамо восхищается высокими гонорарами [17, р. 23], комфортабельным домом отдыха для членов Союза писателей [17, р. 21–22], сетует на тяжелое материальное положение поэтов в Ита-

лии [17, р. 31]. Как активистка женского движения Алерамо особо отмечает равенство полов и отличие «здоровых и крепких» советских женщин от «хрупких» буржуа [17, р. 23]. Интернационализм советского общества подчеркивается поиском точек соприкосновения между СССР и Италией: в СССР смотрят итальянское кино [17, р. 22], поют итальянские песни (в честь Алерамо в доме отдыха Союза писателей исполняют “Bandiera rossa” [17, р. 27]), читают итальянские книги [17, р. 32], а главное — питают братскую любовь к Италии, «потому что знают, как героически страдает сегодня наш народ и как он сражается за свободу и мир» [17, р. 33]¹⁴.

Советская Россия в интерпретации Алерамо описывается как рукотворный рай на земле. По словам писательницы, для советских людей идеальное будущее лежит не в ином мире, а здесь, «на нашем земном шаре», и они своими руками готовят его для потомков: это будущее, «которое однажды можно будет назвать раем (paradiso), раем человеческих существ, которые будут смотреть на наше время, как мы сегодня смотрим на наших предков-троглодитов» [17, р. 34]. С образом земного рая и соответствующего ему преображенного человека связана главная точка соприкосновения между Италией и СССР — фигура Леонардо да Винчи, который изображается как идеалист, который «первым попытался дать людям крылья» [17, р. 34] и мечтал о человечестве, «свободном от преступлений и ненависти», достигающем невероятных высот в своем бесконечном прогрессе [17, р. 35]: по словам Алерамо, тот же идеал вдохновляет поэтов разных стран, «от чилийца Неруды до турка Хикмета», а также Ленина, Сталина и весь советский народ в его великом деле — «преображении природы и подчинении ее человеческому гению» [17, р. 35]. В финале речи автор в очередной раз обращается к религиозной риторике, выступая против западных противников коммунизма, которые «не ведают, что творят» (non sanno <...> quello che fanno) и заслуживали бы «евангельского» прощения, если бы не их опасность для дела мира [17, р. 35]. Не зря, как замечает Алерамо, русское слово “мир” рифмуется с латинским “vir” — человек. Случайное созвучие становится воплощением одного из главных

14 Образ СССР как ориентира для Италии раскрывается в стихотворении 1954 г. «Моя Италия однажды» (“Mia Italia un dì”), посвященном П. Тольятти: «Высокая страна, где я побывала и назвала ее высокой, / <...> один шахтер в Карбонии пожелал мне, / чтобы я однажды смогла назвать другое стихотворение “Италия — высокая страна”» [14, р. 80].

элементов советского мифа: СССР в финале патетической речи предстает главным защитником мира и символом братского единения всех народов.

Путевые свидетельства Алерамо выделяются в ряду итальянских травелогов об СССР рубежа 1940–1950-х гг. активным использованием религиозных кодов для осмысления советских реалий. Еще одна особенность текстов Алерамо заключается в том, что за советскими мифологемами у нее явно проступают следы старого «русского мифа», отсылающего к XIX в. Можно предположить, что обращение к библейским аллюзиям до некоторой степени детерминировано влиянием русского мифа, одним из важных компонентов которого является особая утонченная духовность и мистицизм русских людей. Путевые свидетельства писательницы, в которых отчетливо прослеживается генетическая связь между двумя мифологическими комплексами, показывают, что большинство топосов советского мифа, во всяком случае в период конца 1940-х – начала 1950-х гг., представляют собой трансформированные или инвертированные, превращенные в свою противоположность «русские» мифологемы: на смену образу отсталой и варварской России приходит вера в прогрессивность Советского Союза, который начинает восприниматься как образец и ориентир для капиталистического Запада; необузданность анархической и противоречивой «русской души» сменяется спокойствием, достоинством, подчеркнутым уважением к культуре; то, что в довоенных травелогах представало как рабский, животный коллективизм, в послевоенную эпоху трактуется как дух товарищества, братства, общего свободного труда во имя великой цели.

Если явная связь с русским мифом, в целом несвойственная итальянским травелогам той эпохи, составляет специфику путевого творчества Алерамо, то само по себе восторженное отношение к Советскому Союзу среди итальянских левых интеллектуалов рубежа 1940–1950-х гг. является скорее правилом, чем исключением. Просоветски настроенные авторы, посещавшие СССР, в своих травелогах транслируют один и тот же строго положительный образ советского общества. Причины столь некритического восприятия советской действительности лежат в нескольких плоскостях. Ситуация развивающейся «холодной войны» неизбежно приводила к поляризации взглядов, побуждая как противников, так и сторонников СССР к резким и однозначным высказываниям. В Италии противостояние между двумя лагерями обострялось двойственным положением страны в мировой

политике: являясь «точкой контакта между промышленными цивилизациями севера и средиземноморским бассейном», в эпоху «холодной войны» она стала ареной борьбы между США и СССР — «одновременно опорным пунктом атлантической политики НАТО и местом существования самой мощной из западных коммунистических партий» [8]. С другой стороны, вера в советский миф в значительной степени объяснялась и неосознанной потребностью в утопии, поисками идеала социально-политического устройства. Как отмечает П. Холландер, идеализация иного общественного строя оказывалась тем сильнее, чем выше была степень неудовлетворенности своим собственным обществом: «...мое исследование обнаружило очень тесную связь между отчуждением от собственного общества и восприимчивостью к привлекательности (реальной или вымышленной) других обществ» [6, р. 64]. И. Кальвино, посетивший СССР незадолго до Алерамо, спустя десятилетия в поздних статьях и интервью неоднократно анализировал причины столь яркой приверженности советскому мифу в итальянских левых кругах. Так, в статье 1979 г. «Я тоже был сталинистом?» писатель признается, что внимание к «успокоительным», «аполитичным», «немонументальным» аспектам советской жизни тогда казалось ему способом снять с себя ответственность, сохранив верность идеалам: «...чтобы защититься от реальности, которой я не знал, но в какой-то степени предчувствовал, и которую не хотел называть по имени, своим неформальным стилем я поддерживал официальное лицемерие, изображавшее мирным и радостным то, что в действительности было драмой, напряжением, страданием» [18, р. 284]. Год спустя в интервью газете «Республика» он выскажется еще жестче: «Мы, итальянские коммунисты, были шизофрениками <...>. Одной своей частью мы были и хотели быть свидетелями правды, мстителями за страдания слабых и угнетенных, защитниками справедливости и противниками произвола. Другой своей частью мы оправдывали страдания, произвол, тиранию партии, Сталина во имя великого Дела» [21]. Возможно, эти слова до некоторой степени объясняют и мировоззрение Сибиллы Алерамо, которая до конца жизни хранила верность партии, оставалась в дружеских отношениях с П. Тольятти и с теплотой вспоминала свое первое путешествие в СССР. Даже бурные события 1956 г. — разоблачение культа личности Сталина и подавление Венгерского восстания, — которые вызвали смятение и раскол в рядах итальянских левых интеллектуалов, словно

бы не оказали на ее взгляды никакого влияния: в своих дневниках она лишь единожды, в записи от 13 ноября 1956 г., упоминает «серьезные трудности», которые переживает итальянская Компартия «в связи с венгерскими событиями» [13, р. 418], не давая им никакой оценки. Алерамо до самого конца удалось сохранить цельность своей «коммунистической веры»: она ушла из жизни в 1960 г., не увидев краха советского государства и советского мифа.

Список литературы

Исследования

- 1 Голубцова А.В. Большевизм и религия в итальянских травелогах о Советской России 1920–1930-х годов // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 1. С. 361–378.
- 2 Голубцова А.В. «Русский» и «советский» миф в итальянских травелогах об СССР начала 1950-х гг. // *Литературные миры Востока и Запада*. М.: Мозартика, 2021. С. 67–79.
- 3 Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России / СССР в фашистской Италии: 1922–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 308 с.
- 4 Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
- 5 Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2018. 488 с.
- 6 Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб.: «Лань», 2001. 590 с.
- 7 Cerrai S. I partigiani della pace in Italia: tra utopia e sogno egemonico. Limena: Libreriauniversitaria.it, 2011. 303 p.
- 8 Chianese F. Pasolini tra URSS e USA: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda // *Between. L'immaginario politico. Impegno, resistenza, ideologia*. 2015. Vol. 10. URL: <http://www.Between-journal.it/> (дата обращения: 04.10.2022).
- 9 Gravina G. Per una storia dell'associazione Italia-URSS // *Slavia*. Rivista trimestrale di cultura. Luglio-settembre 1993. № 3. P. 70–108.
- 10 Manetti B. Scrittrici oltrecortina. I reportage dall'Unione Sovietica di Sibilla Aleramo, Renata Viganò e Anna Maria Ortese // *Comunicare Letteratura*. 2008. № 1. P. 175–198.
- 11 Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Bari: Laterza, 1977. 271 p.

Источники

- 12 Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. 526 с.
- 13 Aleramo S. Diario di una donna. Inediti 1945–1960 / scelta e cura di Alba Morino. Milano: Feltrinelli, 1979. 488 p.
- 14 Aleramo S. Luci della mia sera / pref. di Sergio Solmi. Roma: Riuniti, 1956. 87 p.
- 15 Aleramo S. Ritorno da Mosca // L'Unità. 1952. 25 settembre.
- 16 Aleramo S. Russia alto paese // L'Unità. 1952. 7 novembre.
- 17 Aleramo S. Russia alto paese. Roma: Italia-URSS, 1953. 36 p.
- 18 Calvino I. Saggi 1945–1985. Milano: Mondadori, 1995. Т. 2. P. 1539–3081.
- 19 Cardarelli V. Opere. Milano: Mondadori, 1981. 1262 p.
- 20 Malaparte C. Intelligenza di Lenin. Milano: Treves, 1930. 176 p.
- 21 Scafari E. Calvino: “Quel giorno i carri uccisero le nostre speranze” // La Repubblica. 1980. 13 dicembre.

References

- 1 Golubtsova, A.V. “Bol'shevizm i religiiia v ital'ianskikh travelogakh o Sovetskoi Rossii 1920–1930-kh godov” [“Bolshevism and Religion in Italian Travelogues about Soviet Russia in the 1920s and 1930s”]. *Quaestio Rossica*, no. 9 (1), 2021, pp. 361–378. (In Russ.)
- 2 Golubtsova, A.V. ““Russkii’ i ‘sovetskii’ mif v ital'ianskikh travelogakh ob SSSR nachala 1950-kh godov” [“‘Russian’ Myth and ‘Soviet Myth’ in Italian Travelogues about the USSR of the Early 1950s”]. *Literaturnye miry Vostoka i Zapada* [*Literary Worlds of the East and the West*]. Moscow, Mozartika Publ., 2021, pp. 67–79. (In Russ.)
- 3 Dubrovina, O.V. *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoi Rossii / SSSR v fashistskoi Italii 1922–1943 gg.* [The Formation of the Image of Soviet Russia / the USSR in Fascist Italy of 1922–1943: PhD Dissertation]. Moscow, 2017. 305 p. (In Russ.)
- 4 Devid-Foks, Maikl. *Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti. 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union. 1921–1941]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 568 p. (In Russ.)
- 5 Orlov, I.B., and A.D. Popov. *Skvoz’ “zheleznyi zhanes.” See USSR!: inostrannye turisty i prizrak potemkinskikh dereven’* [Through the Iron Curtain: See USSR!: Foreign Tourists and the Phantom of Potemkin Villages]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2018. 488 p. (In Russ.)
- 6 Kholander, Pol. *Politicheskie piligrimy (puteshestviia zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soiozu, Kitaiu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. St. Petersburg, Lan’ Publ., 2001. 590 p. (In Russ.)

- 7 Cerrai, Sondra. *I partigiani della pace in Italia*. Limena, Libreriauniversitaria.it, 2011. 303 p. (In Italian)
- 8 Chianese, Francesco. "Pasolini tra URSS e USA: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda." *Between*, vol. 10, 2015. Available at: <http://www.Between-journal.it/> (Accessed 04 October 2022). (In Italian)
- 9 Gravina, Giovanni. "Per una storia dell'associazione Italia-URSS." *Slavia. Rivista trimestrale di cultura*, no. 3, 1993, pp. 70–108. (In Italian)
- 10 Manetti, Beatrice. "Scrittrici oltrecortina. I reportage dall'Unione Sovietica di Sibilla Aleramo, Renata Viganò e Anna Maria Ortese." *Comunicare Letteratura*, no. 1, 2008, pp. 175–198. (In Italian)
- 11 Tamborra, Angelo. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Bari, Laterza, 1977. 271 p. (In Italian)